
КАРИНА БАРКАН

Соблюдение еврейских традиций

в Латгалии в советское время

(вторая половина 1940-х — начало 1960-х гг.):

между архивными документами и воспоминаниями

Воспоминания как исторический источник

Официальные документы советского периода, содержащие сведения о религиозной жизни евреев Латгалии в основном хранятся в Латвийском Государственном архиве (фонд Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР по Латвийской ССР при Совете министров Латвийской ССР), некоторые отрывочные данные также можно найти в Даугавпилском и Резекненском зональных государственных архивах. Однако сам по себе этот архивный материал дает лишь поверхностное представление о проблеме, так как религиозная жизнь евреев рассматривается «со стороны», о ней рассуждают люди, к этой жизни, не имеющие отношения. Документы больше отражают советское законодательство и отношение власти к религии, меньше свидетельствуют о самих людях и почти совсем не несут информации о соблюдении семейных и индивидуальных обрядов.

Поэтому основным материалом для данной статьи послужил полевой материал Латгальской экспедиции — воспоминания современников, которые, несомненно, являются очень ценным источником для того, чтобы понять и проанализировать механизмы сохранения религиозной и этнической идентичности евреев в условиях атеистической пропаганды. Именно воспоминания позволяют узнать нюансы событий, колорит и дух рассматриваемого времени, что не отображается ни в одном другом источнике.

Конечно же, приходится отметить, что, как это показала Латгальская экспедиция, число людей, знающих и помнящих рассматриваемый период, крайне невелико. Более того, используя воспоминания, необходимо учитывать, что это один из самых субъективных исторических источников. Ведь рассказчик расценивает событие исключительно со своей точки зрения. Кроме того, человеческая память не остается неизменной, и на интерпретацию фактов неизбежно влияет

сегодняшняя реальность, которая способна изменить отношение субъекта к ним, а в некоторых случаях даже исказить их. Отбор и оценка событий прошлого отражает социальные условия сегодняшнего дня. Надо учитывать и длительный промежуток времени, который не всегда позволяет рассказчику точно воссоздать место, время и ход действий, таким образом искажая истину. Поэтому для подтверждения воспоминаний данные в статье, по возможности, сопоставлены с архивным материалом.

Общая характеристика периода

В межвоенный период в Латгалии проживало примерно 30% всех евреев Латвии: по данным переписи населения 1930 г., 28 704 евреев [Третья перепись населения Латвии, 1930]. В отличие от евреев других частей Латвии, образ жизни латгальских евреев был теснее связан с религией и традицией. Как отметил историк Б. Волкович, *«традиционный быт с его специфическим комплексом понятий и духовных ценностей в Латгалии был реальной силой»* [Волкович 2002: 11]. Даугавпилс, в котором проживала почти половина евреев Латгалии¹, являлся одним из центров еврейской культуры и образования во всей Восточной Европе [Волкович 2002: 11].

Однако после Второй мировой войны ситуация изменилась. По примерным подсчетам, во время Холокоста было уничтожено 20 000 латгальских евреев [Ezergailis 1999: 308, 25]. По-прежнему невозможно точно определить, сколько евреев осталось в живых после Холокоста и сколько вернулось из эвакуации, поэтому нет и ясности в вопросе о численности евреев в Латвийской ССР (соответственно и Латгалии) после Второй мировой войны [Шнейдере 2010: 264]. Первая послевоенная перепись населения в СССР была проведена лишь в 1959 г. На примере Даугавпилса — в 1959 г. в городе проживало всего приблизительно 2 200 евреев. Это были вернувшиеся фронтовики, небольшое количество тех, кто уцелел в нацистских концентрационных лагерях, ре-эвакуанты, а также переселенцы из других советских республик [Волкович 2011: 69].

Впрочем, в других местах Латгалии положение было еще более тяжелым. Большая часть еврейских местечек оказалась полностью опустошена (например, Боровка, Гостини, Малта и др.), свой облик изменили города, в которых евреи до войны занимали значительное

¹ В 1935 г. в Даугавпилсе проживало 11 106 евреев (примерно 38% евреев Латгалии).

место. Создавшееся настроение передают строки Симы Невлер (р. 1941 г.) о Краславе, которая до войны, по ее описанию, была «еврейским городом»:

*«Ты видела боль и страдания,
Гонения, войны, изгнание
И часто, стоя на твоём берегу
Я вижу Краславу в цветущем свету»* [Kras_12_14].

Валентина Оборенко (р. 1938 г.), вспоминая довоенный Резекне, с грустью рассказывала о еврейских улочках, от которых уже ничего не осталось — все разбомбили [Rez_12_05,08]. Интересно, однако, что многие места сохранили свое ранее название. Так, дом Глейзермана, магазин Лёвы и Копмана, несмотря на то, что их уже давно нет, все еще живут в памяти многих жителей города [Rez_12_05,08]. В Прейли, который в 1935 г. наряду с Вараклянами был единственным городом, где евреи составляли большинство населения (50,97%), по воспоминаниям Льва Нашатыря (р. 1939 г.), на пальцах можно было сосчитать вернувшиеся еврейские семьи: в Прейли вернулись Кацы, Псавка, Чуриловы, Филь, Берман [Daug_12_08,09].

Это было трудное возвращение. И не только из-за осознания размаха и последствий Холокоста. В послевоенный период полностью изменилась роль евреев и их место в общественно-политической жизни городов. В первую очередь это определялось самим советским режимом и проводимой им национальной политикой. Невзирая на старания евреев, им так и не удалось возродить свою общину — было запрещено открывать еврейские школы и еврейские общественные и культурные организации [Шнейдере 2010: 269]. Более того, в рамках советизации осуществлялась атеистическая политика. Таким образом, евреи попали в абсолютно нееврейскую среду, что значительно осложняло возможности сохранить свои традиции и национальную идентичность.

На состоянии евреев Латгалии отразилась и репрессии, осуществленные в рамках антисемитской кампании Сталина. С. Невлер, вспоминая сталинское время, характеризует его фразой: *«если ты еврей — ты не человек»* [Kras_12_14]. Так, инструкторы Даугавпилсского уездного комитета КПЛ устраивали «собрания коллективов», где требовали выслать всех евреев из Латвийской ССР как «пограничного региона». На особом собрании февраля 1953 г. были обобщены все предложения и намечены акции большого масштаба. Последние анти-

еврейские собрания в Латгалии проводились в марте 1953 г. [Dribins 2007: 141], хотя и после смерти Сталина — во времена Н. Хрущева — сохранилась неофициальная установка советской власти противодействовать стремлениям к возрождению еврейской этнокультурной идентичности.

Семейные традиции

Советская власть всячески способствовала ассимиляции евреев в русскоговорящем советском обществе. Краславчанин Владислав Рачицкий (р. 1932 г.), сравнивая уклад жизни евреев с довоенным, отмечал, что в 1944–1945 гг. евреи уже начали перестраиваться и мало отличались от русских [Kras_12_17].

Все меньше евреев считали идиш своим родным языком — по официальной статистике в 1959 г. из живущих в Латвии евреев таких насчитывалось только 48%, остальные называли родным языком русский² [Дрибин 2002: 98]. Это, конечно, не удивительно — родители все чаще предпочитали говорить с детьми на русском языке. Так, Израиль Гут (р. 1946 г.) рассказывает: *«У меня была дома вот такая система: между собой они [родители] говорили на идиш, а со мной говорили на русском. <...> Они боялись, что я буду путать все эти слова [пауза]. Не так буду высказываться»* [Daug_12_02]. А ведь иной возможности выучить родной язык не было. Еврейские школы здесь не действовали. *«Когда пришла советская власть, еврейские школы ликвидировали»* [Daug_12_02].

Как уникальный случай надо отметить недолго существовавший кружок еврейского языка в Прейли, где некий Лехавицкий, служивший в синагоге кантором, подпольно преподавал еврейский язык 3 мальчикам и 3 девочкам. Л. Нашатыр помнит, что это сами родители попросили научить их детей разговаривать на идиш, и они приходили туда как на школьные занятия.

Соблюдение традиций чаще всего выражалось в домашнем обиходе. Однако большинство традиций соблюдалось уже только частично, и многие из них были уделом старшего поколения. Например, И. Гут рассказывает: *«Отец старался соблюдать [кошерное питание], я не очень соблюдал, а в университете вообще не соблюдал. Потому что*

² Надо отметить, что в данные 48%, конечно, входили и евреи, приехавшие в Латвию после войны из других республик ССР, для которых родным языком уже был русский.

общежитие есть общежитие» [Daug_12_02]. То же самое отмечает Л. Нашатыр: «*Свинину дома ели, мама не ела <...>. Мама постилась, как положено, а дети нет*» [Daug_12_08,09].

Характерно, что неотъемлемой частью воспоминаний о семье для информантом остается еврейская кухня. Так С. Невлер не всегда даже различала значение праздников, но связывала их с определенными блюдами, например, «*рошашон — праздник блинов*» [Kras_12_14]. Л. Нашатыр помнит, что «*мама делала [еврейские блюда] на все праздники. И рыба фаршированная была, и кнейдлахи в меду, и селедка, рубленая в соусе — очень много она делала*» [Daug_12_08,09]. Из этого следует, что область рецептов оставалась наиболее каноничной, и традиционную еврейскую кухню можно отметить как важный аспект в сохранении национальной идентичности.

С другой стороны, среди евреев начали появляться принципиальные приверженцы советской власти, которые выросли в советской среде и мало знали о еврейских традициях и культуре. Нередко это в семье могло привести к конфликтам между старшим поколением и молодежью — воспитанной по-советски. Ярким примером служат воспоминания И. Гута: «*я был тогда идейный товарищ, я тогда был очень идейный, такой советский, поэтому задавал глупые вопросы. <...> Я спросил маму: “как ты — коммунистка, пошла на эту пасху”³ <...> я же знал, что мама член партии. “Как ты пошла?”*, и она заплакала» [Daug_12_02].

Таким образом, упомянутые факторы постепенно привели к почти полному исчезновению еврейского воспитания.

Религиозные традиции

Ограничение еврейской религиозной жизни — условия существования и деятельности общин — в значительной степени определяла общая политика государства в отношении религии, основой которой служила идеология марксизма-ленинизма.

К окончанию процесса официальной регистрации⁴ общин в 1949 г. в Латгалии легально действовали 4 еврейские общины: в Лудзе, Даугавпилсе, Резекне и Краславе [ЛГА, ф. 1448, о. 1, д. 246, 43 с.]. Инте-

³ И. Гут рассказывал о том, как его тетя — троюродная сестра — «по полной программе», т.е. по всем обычаям проводила Песах.

⁴ Все религиозные объединения должны были регистрироваться в СДРК (Совете по делам религиозных культов). Для этого требовалось создать «двадцатку», иметь «культовое помещение» и «служителя культа».

Илл. 1.

Краслава, Большой молитвенный дом, 1930-е.
(из книги: Латвия: синагоги и раввины, 1918–1940 / сост. Р. Богданова.
Рига: Шамир, 2004)

ресно, однако, свидетельство Л. Нашатыря, который существования еврейской общины в Краславе не припоминает (в Краславе жил с 1949–1951 г.) [Daug_12_08,09], хотя по документам архива община Краславы снята с регистрации лишь в 1954 г. Предлогом для ее закрытия послужило то, что в составе исполнительного органа общины остались только двое (из трех), а в «двадцатке»⁵ — только 14 людей. Кроме того «двадцатка» за неимением средств отказывалась заключить договор на аренду молитвенного здания (по адресу Полевая, 5) и платить налоги за его эксплуатацию. Решающую роль сыграло то, что у общины не было раввина, так как предыдущий — Исаак Падва (1880–1951) — умер в 1951 г. [ЛГА, ф. 1448, о. 1, д. 129, 5–6 с.]. Таким образом, ряд обстоятельств говорит о том, что жизнь общины была в упадке еще задолго до ее официального закрытия.

⁵ По законодательству СССР, регистрация религиозных организаций производилась при наличии так называемой «двадцатки», т.е. не менее чем 20 верующих.

В другом положении находилась община в Резекне, где, по воспоминаниям В. Оборенко синагогу посещали почти все евреи [Rez_12_05,08]. Это подтверждают и отчеты СДРК, в которых встречается информация о том, что в сентябре местные городские промышленные предприятия Резекне (на которых в основном работали евреи), с умыслом были оставлены без сырья. Ввиду отсутствия работы евреи могли освободиться на время религиозных праздников [ЛГА, ф. 1448, о. 1, д. 128, 17 с.].

Субботние (и праздничные) службы В. Оборенко описывает как собрания, на которых выступал раввин [Rez_12_05,08]. По документам известно, что с 1949 по 1951 г. в общине служил раввин Моисей Шуер (1876–?), а позже — Шевель Плинер (1888–?) [ЛГА, ф. 1448, о. 1, д. 127, 11 с.; ЛГА, ф. 1448, о. 1, д. 215, 2 с.]. По данным СДРК еврейскую общину Резекне в 1953 г. составляло всего 50 верующих [ЛГА, ф. 1448, о. 1, д. 30, 53 с.]. Как особо верующего В. Оборенко выделяет некоего Копмана [Rez_12_05,08]. Надо отметить, что в документах регистрации общины действительно есть подпись человека с такой фамилией [РЗГА, ф. 18, о. 1, д. 32, 1 с.].

Существовали также и незарегистрированные общины, которые собирались подпольно для молитв и проведения обрядов. Л. Нашатыр упоминает о существовании такой общины в городе Прейли, где на праздники евреи посещали синагогу (в наше время здание бывшего хозяйственного магазина) [Daug_12_08,09], хотя община не была зарегистрирована в СДРК. При этом, по его словам, после войны в синагогу приходило много детей, и даже происходила процедура обрезания [Daug_12_08,09]. В документах СДРК действительно можно найти сведения о нелегальных еврейских собраниях в Прейли, также похожие «сборища» отмечались в Карсаве и Крустпилсе. Евреи данных городов обращались в СДРК с просьбой о регистрации общины, однако, получив отказ, собирались незаконно. Сообщается, что такое незаконное существование общин возникло в результате халатности местных органов власти [ЛГА, ф. 1448, о. 1, д. 246, 59 с.].

Впрочем, и легально действующую синагогу не всегда возможно было свободно посещать, а исполнение обрядов не было открытым. И. Гут, например, вспоминает: *«Могли донести, понимаете, у нас же люди все стучать могли, и все такое прочее <...>, просто неприятности могли быть из-за этого. Вот моя мама была членом партии. Мне делали обрезание, кто-то стукнул, что мне делали обрезание.*

«Как! Член партии, а сыну делали обрезание!», и моя мама получила строгий выговор» [Daug_12_02]. Также отмечает Л. Нашатыр: «Идешь [в синагогу], чтобы никто не видел, сами знаете, комсомолец в синагогу или пионер в синагогу...» [Daug_12_08,09]. В. Оборенко помнит, что еврейские свадьбы в Резекне происходили ночью под открытым небом и луной [Rez_12_05,08]. Этим и объясняется статистика СДРК, в которой обряды в общинах почти не указаны.⁶

Необходимо отметить, что община играла важную роль не только в религиозной жизни евреев — в общине решались все вопросы. В. Оборенко рассказывает, что «они [евреи] жили как одна семья» и в качестве примера описывает следующее: «В 1948 или 1949 г. у хозяина магазина Глейзермана была недодача 10 000 рублей. Все евреи моментально собрались в синагоге Резекне и в течение 3-х дней, вместе с помощью евреев Риги и Даугавпилса, собрали эту сумму. <...> В это время, это были большие деньги, зарплата после войны была 28 рублей, за недодачу 10 000 рублей посадили бы <...> они очень дружный народ» [Rez_12_05,08].

Особо выразительно В. Оборенко описывает выпечку мацы, так как ее мама в общине была главной месильщицей. Евреи поэтому ее очень уважали и так и называли «кнетерка наша»⁷. «Мама делала большой каравай, длинный и высокий (а тесто долго месится), и ставила посередину на стол, где стояло 8-10 женщин. <...> Тесто довольно было упругое, его разрезали на одинаковые доли и каждый делал свою булочку». Эту булочку скалкой катали до тех пор, пока она не становилась ровной, потому что мацу пекли в русской печи. Иногда приходил раввин, проверял выпечку мацы [Rez_12_05,08].

Надо предполагать, что СДРК не был осведомлен о факте такой организованной выпечки мацы в Резекне под присмотром раввина. В отчетах Уполномоченного СДРК по Латвийской ССР отмечалось, что в Резекне на праздник «Пасхи» евреи пекли мацу индивидуально каждый у себя дома, или отдельные еврейские семьи организовали коллективную выпечку. Лишь в Даугавпилсе, по документам архива [ЛГА, ф. 1448, о. 1, д. 255, 23 с.] и воспоминаниям И. Гута, мацу коллективно пекли в синагоге (ул. Циетокшня, 38) — в квартире раввина [Daug_12_02].

⁶ Например, в 1963 г. по статистике СДРК в еврейской общине Резекне не было ни одного обрезания или свадьбы. [ЛГА, ф. 1448, о. 1, д. 214, 14 с.].

⁷ Вероятно, от «kneytshn» — «мять» на идише.

Илл. 2.

Даугавпилс. Синагога, бывший молитвенный дом Кадиша.
Август 2011 (авт. Светлана Амосова)

Также в Даугавпилской синагоге, как отмечает И. Гут, существовала возможность приобрести кошерное мясо, так как там работал резник. Мать И. Гута после покупки курицы всегда ходила к нему в синагогу [Daug_12_02]. По документам видно, что уже в 1947 г. община Даугавпилса обратилась к органам власти с просьбой открыть при синагоге место по ритуальному убою птиц [ЛГА, ф. 1448, о. 1, д. 125, 18 с.]. Правда, после того, как 21-ого июня 1960 г. это помещение навестил санитарный врач, его пришлось официально закрыть [ДЗГА, ф. 202, о. 6, д. 59, 51 с.].

Вместо заключения

В результате политики советской власти в рассматриваемый период еврейские традиции подверглись деформации. Однако, как показывает пример Латгалии, несмотря на все искажения и противоречия, советской власти не удалось полностью подавить национальные

и религиозные стремления евреев. Многие из них при возможности репатриировались в Израиль.⁸ Ситуацию после распада Советского Союза, в частности в Краславе, описывает цитата С. Невлер: «Многое изменилось в Краславе с тех далеких лет. Нет в живых никого, о ком я часто вспоминаю. Нет моих родителей, близких, нет в Краславе моего народа. Осталось в Краславе три еврейки из всего большого народа, живущего когда-то в Краславе» [Kras_12_14].

Литература и источники

- Волкович 2002 — Волкович В. Из истории еврейской культуры в Латвии (1918–1940). Даугавпилс: Saule, 2002.
- Волкович 2011 — Волкович В. Иудейская община Даугавпилса после Второй мировой войны (1945–1973) // Евреи в Даугавпилсе V: Исторические очерки / под ред. Б. Волковича, В. Хлестова. Даугавпилс: Даугавпилсская еврейская община, 2011. С. 69–86.
- Даугавпилсский Зональный Государственный Архив Национального Архива Латвии (Latvijas Nacionālā Arhīva Daugavpils Zonālais Valsts Arhīvs), ф. 202, о. 6, д. 59.
- Латвийский Государственный Архив Национального Архива Латвии (Latvijas Nacionālā Arhīva Latvijas Valsts Arhīvs) (ЛГА), ф. 1448, о. 1, д. 30.
- ЛГА, ф. 1448, о. 1., д. 125.
- ЛГА, ф. 1448, о. 1., д. 127.
- ЛГА, ф. 1448, о. 1., д. 128.
- ЛГА, ф. 1448, о. 1., д. 129.
- ЛГА, ф. 1448, о. 1., д. 214.
- ЛГА, ф. 1448, о. 1., д. 215.
- ЛГА, ф. 1448, о. 1., д. 246.
- ЛГА, ф. 1448, о. 1., д. 247.
- ЛГА, ф. 1448, о. 1., д. 255.
- Резекненский Зональный Государственный Архив Национального Архива Латвии (Latvijas Nacionālā Arhīva Rēzeknes Zonālais Valsts Arhīvs), ф. 18, о. 1, д. 32.
- Третья перепись населения Латвии (Trešā tautas skaitīšana Latvijā), 1930, доступен: <http://www.csb.gov.lv>.
- Шнейдере 2010 — Шнейдере И. Латвийские евреи и советский режим (1944–1953) // Евреи Латвии и советская власть, 1928–1953: научный очерк / под ред. Л. Дрибина. Рига: Институт философии и социологии Латвийского Университета, 2010.
- Dribins 2007 — Dribins L. Antisemitisms un tā izpausmes Latvijā: vēstures atskats. (Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti. 4.sējums). Rīga: Latvijas vēstures institūts, 2007.
- Dribins 2002 — Dribins L. Ebreji Latvijā, Rīga: Elpa, 2002.
- Ezergailis 1999 — Ezergailis A. Holokausts vācu okupētajā Latvijā, 1941–1944. Rīga: Latvijas vēstures institūts, 1999.

⁸ По переписи 2000 г. в Даугавпилсе проживало уже лишь 680, в Резекне 107, а Краславе 18 евреев.